

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 126

Январь 2010

**Гиллан и Квинтон против Соединенного Королевства
[Gillan and Quinton v. the United Kingdom] (жалоба
№ 4158/05)**

Постановление от 12.1.2010 [Четвертая Секция]

Статья 8

Пункт 1 статьи 8

Уважение частной жизни

Остановка и личный обыск лица при отсутствии обоснованных подозрений в совершении правонарушения: *нарушение*

Обстоятельства дела – В соответствии со статьями 44-47 Закона о терроризме 2000 г., высокопоставленные офицеры полиции были уполномочены, если полагали это «целесообразным для предотвращения актов терроризма», разрешить любому офицеру в форме останавливать и обыскивать, в пределах конкретной территории, пешеходов, а также автомобили и пассажиров в них. Данное разрешение должно было быть подтверждено в течение 48 часов Государственным секретарем, при отсутствии подтверждения оно утрачивало силу. Разрешение не могло действовать дольше 28 дней, однако этот период мог быть продлен. Полномочия, которые давало данное разрешение, могли осуществляться только в целях установления «предметов, которые могут быть использованы в террористической деятельности», но соответствующий офицер не должен был иметь основания «подозревать наличие предметов такого рода». Офицер мог предложить обыскиваемому снять головной убор, обувь, верхнюю одежду и перчатки, и, если полагал необходимым, мог положить свои руки в его карманы, вывернуть воротник, носки, туфли и ощупать волосы. Личные обыски проводились в общественных местах или не далеко от места, где лицо было остановлено. Отказ разрешить провести обыск квалифицировался как правонарушение, подлежащее наказанию в виде лишения свободы, или штрафа, или того и другого вместе. Доклад независимого обозревателя о порядке применения Закона представлялся Парламенту, по крайней мере, один раз в год.

Полномочие по остановке и обыску применялось в столичном полицейском округе (Большой Лондон) со дня вступления законодательства в силу в феврале 2001 г. в соответствии со «скользящей программой» разрешений и последующих подтверждений. С 2004 г. по 2008 г. число обысков в год, регистрируемое Министерством юстиции, постепенно увеличилось с 33,177 до 117,278. В своих самых последних докладах независимый обозреватель все серьезнее критиковал метод применения данного полномочия, называя его «убогим и ненужным», сомневаясь в необходимости выдачи разрешений, охватывающих весь столичный округ, а не «крупные зоны».

Заявители по настоящему делу были остановлены и обысканы полицией в связи с разными инцидентами по пути на демонстрацию, проходившую в знак протеста против оружия очень далеко от места обыска. Гиллан ехал на велосипеде и вез рюкзак. Квинтон была остановлена и обыскана, несмотря на то, что показала свои документы журналистки. Срок задержания каждого из заявителей не превышал 30 минут. Впоследствии заявители обратились в суд с жалобами, но безуспешно. Палата лордов, действуя в качестве высшей апелляционной инстанции, усомнилась в том, что обычный поверхностный обыск лица можно квалифицировать как такое отсутствие уважения частной жизни, которое влечет применение статьи 8 Европейской Конвенции, и что, даже если она подлежит применению, полномочие по остановке и обыску не соответствовало требованию законности в смысле Конвенции, поскольку действия офицеров не были произвольны. Заявители также предъявили иски в окружной суд. Но в удовлетворении исков было отказано, а с апелляционными жалобами они не обращались.

Право

(а) *Приемлемость* – Правительство утверждало, что заявители не полностью исчерпали внутренние средства правовой защиты, поскольку не приняли предложение о проведении закрытого судебного заседания в Высоком суде для того, чтобы определить, было ли разрешение и его подтверждение обоснованны, а также не обжаловали решение окружного суда. Однако Суд отметил, что заявители не спорили, что остановка и обыск, применённые в отношении них, соответствовали положениям Закона о терроризме. Вместо этого их жалобы были сосредоточены на общем соответствии полномочия по остановке и обыску Конвенции. Таким образом, средства правовой защиты, указанные Правительством, не были бы ни релевантными, ни эффективными для рассмотрения жалоб, поданных в Суд.

Вывод: предварительное возражение отклонено (единогласно).

(b) *Существо жалобы* – Статья 8: Применение силовых полномочий, предоставленных антитеррористическим законодательством, позволяющим требовать от лиц подвергнуться детальному личному обыску, обыску одежды и личных вещей, явно представляло собой вмешательство в право на уважение частной жизни. Публичный характер обыска, вызывающий дискомфорт от того, что личная информация выставляется на обозрение общественности, в некоторых случаях может даже усилить степень серьезности вмешательства в силу наличия элемента унижения и замешательства. Данное вмешательство не может сравниваться с досмотром путешественников в аэропортах или посетителей общественных мест. Лица, путешествующие по воздуху, могут считаться давшими согласие на досмотр, решившись на поездку, им разрешается оставить при себе личные вещи или развернуться и уйти, не проходя досмотр. Полномочия по обыску, предоставленные Законом о терроризме, были качественно иными, поскольку

лица могли быть остановлены в любом месте в любое время без всякого предупреждения и права выбора, подвергнуться или нет обыску.

Что касается вопроса, применялась ли эта мера «в соответствии с законом», не оспаривался тот факт, что в деле заявителей остановка и обыск имели нормативную базу в виде статей 44-47 Закона о терроризме, в совокупности с релевантным Практическим кодексом, который являлся публичным документом. Вопрос заключался в том, предоставляли ли эти положения чрезмерно широкие полномочия полиции и в смысле разрешения останавливать и обыскивать, и в смысле его практического применения. По мнению Суда, Правительство не продемонстрировало, что гарантии, установленные национальным законодательством, предусматривали адекватную защиту от произвольного вмешательства.

Во-первых, что касается стадии выдачи разрешения и подтверждения, Суд отметил, что высокопоставленные офицеры полиции могли разрешить применение полномочий по остановке и обыску, если полагали это «целесообразным» (что не является «необходимым») для предотвращения актов терроризма, таким образом, оценка пропорциональности меры не требовалась. Далее, хотя разрешение должно было быть впоследствии подтверждено Государственным секретарем в течение 48 часов, Государственный секретарь не мог изменить географический охват, и как представляется, на практике никогда не отказывал в выдаче подтверждения и не сокращал срок действия разрешения. Какие-либо временные и географические ограничения, установленные законом в качестве гарантий, не действовали, что доказывается фактом того, что разрешения для столичного полицейского округа регулярно продлевались в соответствии со «скользящей программой». Наконец, шансов на успешное обжалование разрешения было немного: хотя судебная проверка и была доступна, широта установленных законом полномочий была такова, что заявители сталкивались с труднопреодолимыми препятствиями, доказывая, что любое разрешение и подтверждение выходило за рамки предоставленных полномочий или представляли собой злоупотребление таковыми, а компетенция независимого обозревателя ограничивалась подготовкой доклада по общему применению положений закона без права отмены или внесения изменений в разрешение.

Что касается полномочий конкретного офицера полиции, широта предоставленной дискреции вызвала еще большую озабоченность. Хотя офицер и был призван соблюдать принципы Практического кодекса при проведении обыска, сам кодекс регулировал скорее способы, в соответствии с которыми остановка и обыск проводились, а не обстоятельства, ограничивающие решение офицера остановить и обыскать. Это решение основывалось исключительно на «наитии» или «профессиональной интуиции» конкретного офицера. От него не только не требовалось продемонстрировать наличие обоснованных подозрений, он не был вообще обязан иметь какие-либо подозрения относительно останавливаемого и обыскиваемого лица. Единственная оговорка заключалась в том, что обыск должен был проводиться в целях установления предметов, которые могли использоваться в связи с террористической деятельностью, что представляло собой очень широкое определение, охватывающее многие предметы, которые люди обычно носят с собой по улицам. Соответственно, если лицо было остановлено для проведения обыска в целях обнаружения таких предметов, офицер полиции не должен был иметь какие-либо основания, чтобы подозревать их наличие.

В этой связи статистические и иные доказательства, указывающие на частоту, с которой офицеры полиции прибегали к остановкам и обыскам,

были поразительными. Отметив значительное число обысков и доклады независимого обозревателя, свидетельствующие о том, что полномочия использовались в отсутствие необходимости, Суд пришел к выводу, что придание такой широты полномочиям, предоставленных офицерам полиции, несло очевидный риск произвола. Риск дискриминационного использования полномочий при задержании этнических меньшинств был также велик, и статистика показала, что рассматриваемые меры применялись к чернокожим и лицам азиатского происхождения чаще. Также присутствовал и риск того, что широко сформулированные полномочия могли использоваться против демонстрантов и протестующих. Как было показано в деле заявителей, требование о проведении судебной проверки или возмещении ущерба, заявленные с целью обжалования полномочий офицера полиции по остановке и обыску в конкретном случае вряд ли были бы удовлетворены, поскольку офицер не был обязан демонстрировать обоснованность подозрений, что делало невозможным доказывание ненадлежащего использования полномочий.

Таким образом, статьи 44 и 45 Закона о терроризме, устанавливающие полномочия по выдаче разрешения и подтверждения, а также по остановке и обыску, не были четко ограничены и не предусматривали достаточные правовые гарантии против злоупотреблений. Соответственно, рассматриваемые полномочия не могли быть признаны «соответствующими закону».

Вывод: нарушение (единогласно).

Статья 41: Установление факта нарушения само по себе является достаточной компенсацией за причиненный моральный вред.

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline

toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.